

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

**Волчья
тропа**

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Волчья тропа

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Волчья тропа / С. В. Самаров — «Эксмо», 2021 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-156607-4

Эмир Бацаев по кличке Волк пришел с небольшим отрядом в родные края, чтобы подготовить базу для прибывающей из-за границы крупной группировки моджахедов. На родине бандиту не рады. В отместку он устраивает карательную операцию, в результате которой случайно получает тяжелое ранение его дочь. На ликвидацию банды отправляется отряд спецназа под командованием капитана Василия Одуванчикова. Бойцы окружают лагерь противника, но нескольким бандитам во главе с эмиром удается бежать. Преследуя беглецов, Одуванчиков и не предполагает, что получит помощь от дочери своего врага...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156607-4

© Самаров С. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	18
Глава третья	24
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Васильевич Самаров

Волчья тропа

© Самаров С.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Осенние опавшие листья сплошным ковром укрыли лес и узкую дорогу, больше похожую на тропу. Дорога эта идет в сторону села и круто уходит вниз параллельно горному хребту, спускающемуся туда же справа. Листья по большей части желтые, березовые, но порой встречаются и красные, осиновые. Кое-где по обе стороны дороги густой синеватой зеленью светятся елки.

Шестнадцать бородатых мужчин шли по дороге к селу. Глядя на их усталую походку, можно было бы подумать, что они возвращаются после работы домой, если бы в руках у этих мужчин были лопаты, бензопилы или топоры. Но эти шестнадцать, по крайней мере большинство из них, несли автоматы Калашникова, причем разной модификации, от «АК-47» калибра 7,62 миллиметра до «АК-12» калибра 5,45 миллиметра, и только у троих мужчин крепкие кисти сжимали американские карабины «М-4»¹ калибра 5,56 миллиметра, что соответствует оружию стандарта НАТО, а грудную клетку всех шестнадцати мужчин прикрывали бронежилеты с надетыми поверх них «разгрузками»². Двое с американскими карабинами были чернокожими, а третий обладал арабскими тонкими чертами лица и крупным грубым носом. Внешний вид троих явственно говорил о том, что они простые наемники, «дикие гуси», как зовут их во всех странах, где идет война, да и в других странах, от войны далеких, тоже.

Имея характер, полностью соответствующий его имени, эмир отряда Нариман³ Бацаев всегда славился осторожностью в больших и важных делах. Иногда, конечно, по мелочи он мог себе позволить ввязаться в какую-нибудь авантюру, понадеявшись на свою удачу, и удача обычно его не подводила. Кое-кто говорил, что Нариман излишне доверяется обстоятельствам и рискует слишком часто понапрасну. И интуиция у эмира всегда была в рабочем состоянии, но сейчас, как он сам считал и откровенно говорил, дело ему было поручено очень большой важности, поэтому требуются особая осторожность и аккуратность. В самом деле, его небольшому, по сравнению с теми, что были в Ираке и в Сирии, отряду, состоящему из лучших моджахедов, которых ему удалось собрать под свое крыло из разрозненных отрядов организации «Аджнад аль-Кавказ»⁴, было приказано перейти незаметно границу, определить место для будущей дислокации большого отряда и подготовить для него плацдарм-базу. Для самого Наримана Бацаева это было значительным личностным ростом, поскольку именно он должен был возглавить новое формирование. Раньше большими отрядами совершалось немало попыток прорваться на территорию Дагестана или Чечни, закрепиться там и начать новый виток войны на Северном Кавказе. Обстоятельства в Сирии и Ираке складывались довольно плачевно, моджахеды гибли еще до того, как успевали сделать первый выстрел, гибли под ударами по большей части авиации, против которой они оказывались практически бессильны, как были бессильны и против ракет, не имея собственной развитой системы ПВО. Но эти попытки всегда завершались неудачей. Крупные отряды быстро себя обнаруживали и так же быстро уничтожались подразделениями Российской армии. И чем крупнее был отряд, тем быстрее его уничтожали. То ли из опасения, то ли по причине неповоротливости большого подразделения, его неспособности уйти от преследования и чрезмерной надежды на собственные силы выход крупных подразделений на другую сторону границы обычно оказывался неудачным.

---

¹ «М-4» – американский армейский и гражданский карабин со слегка укороченным стволом, созданный на базе штурмовой автоматической винтовки «AR-16» («М-16»). Имеет калибр 5,56х45 НАТО. Вместе с автоматом Калашникова (АК) считается самым надежным оружием в мире.

² «Разгрузка» – разгрузочный жилет со специальными карманами под магазины для оружия и под гранаты.

³ Имя Нариман переводится с персидского языка как «бесстрашный», «сильный духом», «огненный воин» и т. п.

⁴ Террористическая группировка, запрещена на территории России.

Эмир Нариман Бацаев шел в своей небольшой группе последним, а прямо перед ним быстро перебирал короткими, толстыми и очень кривыми ногами карлик Абубакир, постоянно находившийся при эмире и выполнявший, по сути, обязанности оруженосца, хотя свое оружие Нариман обычно носил при себе. Карлик был для эмира почти привычным атрибутом, он везде следовал за ним, как хвост за собакой. Хотя это сравнение не всегда оказывалось верным, потому что хвост следует за собакой, а карлик обычно идет впереди, протапывая дорогу по песку пустыни или по горному снегу.

Однажды Нариман Бацаев после того, как на территории России был разбит и уничтожен очередной отряд, высказался по поводу засылки в Россию крупных отрядов на шуре⁵ полевых командиров группировки «Аджнад аль-Кавказ», входящей в ИГИЛ⁶ и потому считающейся в России вне закона. Он предложил сначала заслать на Северный Кавказ небольшую мобильную группу самых опытных бойцов, которая оценит обстановку и определится с местом перехода границы для большого отряда. Или даже с несколькими местами, если большой отряд придется разбить на части. Передовой малый отряд подготовит базу для большого отряда, а когда большой отряд соберется, Нариман Бацаев возглавит его. То есть, по сути, он должен подготовить все для себя и своего будущего. Сам он давно уже считал, что ему в тридцать девять лет, имея значительный боевой опыт, пора бы уже найти более значимую должность, чем эмир небольшого отряда. А Нариман даже свой отряд в шесть сотен бойцов, с которым он пешком прошел почти весь Ирак и большую часть Сирии и где он каждого знал не просто по имени, но еще и по характеру, считал маленьким и мысленно готовил себя к командованию большим по силам подразделением, способным воевать и жить в более сложных условиях, чем те, что сложились в Сирии. Более того, эмир Нариман мечтал возглавить войну своего народа с московскими правителями. Хотя и в самой Сирии жизнь была отнюдь не сахаром посыпана. Никогда нельзя понять заранее, с какой стороны можно и следует ждать неприятностей. Были откровенные враги: сирийцы из правительственной армии, преданные президенту Асаду, и русские. Американцы с турками и лучшие американские друзья – курды – вели себя непонятно и непредсказуемо. Могли поддержать, а могли сами атаковать в самый неподходящий момент. Но особенно много неприятностей постоянно доставляли российские самолеты. Бомбили часто, и бомбы, как и ракеты, попадали точно. Словно люди руками управляли ими, а не инфракрасные самонаводящиеся головки.

– Эй, там, впереди! – крикнул вперед Ваха Чохкиев, единственный чеченец среди шестнадцати бойцов – эмир не слишком любил чеченцев, но Чохкиева, как опытного моджахеда и отличного снайпера, в свой передовой отряд все же взял. – Под ноги лучше смотрите. Под листовой легко мину не заметить...

Ваха шел перед эмиром рядом с Абубакиром, положив на плечо свою снайперскую винтовку «ТКБ-0145К» с оптическим прицелом, который Ваха не любил каждый раз снимать, убирать в чехол, а потом опять ставить на место. Он, когда находился поблизости от эмира, любил громко давать указания моджахедам. И со стороны трудно было угадать, от себя говорит Ваха или громко повторяет команды эмира, который вообще не говорил громко. Но задумывались об этом моджахеды только после того, как команду выполняли. И Вахе казалось, что к его мнению прислушиваются. Так, ему думалось, он приучает других слушаться именно его.

– Здесь, пожалуй, мин и не должно быть, – по привычке тихо сказал эмир Нариман. – Их русские рядом с большим селом ставить не будут. Село-то мирное, да и время сейчас в Дагестане мирное.

– А им плевать, мирное оно или нет, – с неопределенной и непонятной злостью отозвался Ваха. – Взорвутся дети и женщины или нет. Лишь бы взорвались. И они за это себе плюсики

⁵ Шурá (арабск.) – совещание, большой совет.

⁶ Террористическая группировка, запрещена на территории России.

поставят. Мы для них не люди. А все потому, что мы своему богу молимся, а они своему, если вообще молятся...

– Что-то я тебя, Ваха, ни разу в мечети не видел... – вполголоса заметил Абдул-Меджид, самый пожилой моджахед в отряде эмира Наримана и его односельчанин, который узнал, что за время его отсутствия дома у него родились два внука, и торопился их обнять и с ними познакомиться, пока их спать не уложили. Хотя, скорее всего, уже уложили или, по крайней мере, к моменту прибытия группы в село должны будут уложить. Но тогда дед хотя бы посмотрит на спящих мальчиков. – Кстати, а у тебя разве дети или жена взорвались? Насколько я помню, твои дети в Норвегии учатся.

С Вахой у старого односельчанина эмира (впрочем, как и со многими) отношения не сложились. Постоянно пытаются друг друга уколоть. Но обычно Нариман на это внимания особого не обращал, он хорошо знал, что если собираются вместе несколько дагестанцев, там обязательно будет скрытая борьба за власть, если в группе еще нет явного лидера. А уж если рядом окажутся дагестанец и чеченец, то эта борьба станет явной. Но эмир считал, что это не та борьба за власть, а борьба за место рядом с командиром. Отсюда и громкие команды Вахи Чохкиева, и ехидная реакция на них Абдул-Меджида.

Эмир Нариман рассчитывал, что в родных краях в военной обстановке чувствовать себя он будет лучше, увереннее, чем чувствовал в последнее время. Он и местность здесь знал, и людей, и его самого знали – не должны были так быстро забыть некогда лучшего в районе пехлевана⁷, как и бывшего его тренера и наставника Абдул-Меджида, который в свое время тоже был известным борцом и даже когда-то входил в сборную СССР, становился чемпионом СССР по вольной борьбе, выигрывал первенство Украины по джиу-джитсу, а потом стал заслуженным тренером сначала Советского Союза, а потом и России и воспитал несколько чемпионов мира по разным видам борьбы. И эмир рассчитывал, что его самого тоже, как и прежде, уважали, рассказывали про него сказки и легенды. И на местных мирных жителей эмир рассчитывал как на самого себя. Считал, что его никто не захочет подводить. И противник здесь только один – Российская армия. Справиться с солдатами, по мнению Наримана, было гораздо проще, чем с кем-либо еще. Если в Сирии Российская армия представлена в основном спецназом и летчиками, а воевать отлично умеют и те, и другие – обучены хорошо, да и опыт имеют немалый, – то здесь воевать отряду Наримана Бацаева придется нечасто, но с простыми, необстрелянными солдатами, не имеющими за своими плечами ничего – ни тяжелых боев, ни безвыходных положений. Кто же будет ради такого небольшого отряда спецназ в Дагестан подгонять? Разве что ментовский спецназ попытаются использовать, но это для самого ментовского спецназа нехорошо. В подготовку «ментов» эмир не верил и считал, что их могут только пригнать на заклание, как овец. Нариман просто не знал, что неподалеку от Махачкалы на постоянной основе базируется сводный отряд спецназа военной разведки. Да и на поддержку местного населения эмир, как он предполагал, может вполне опереться. Набрать бойцов к себе в отряд, возможно, будет сложно. Кто желал за веру воевать, те давно уже уехали в другие мусульманские страны и нашли себе применение или в рядах ИГИЛ в Ираке, или в Сирии, или среди талибов⁸ в Афганистане, или в других тождественных организациях. Но, по крайней мере, разведку Нариман сможет с помощью местных жителей отладить, а кое-что он уже сделал – например, построил базу для большого отряда. Где какая армейская часть пройдет или проедет – ему сразу позвонят и доложат. А он успеет подготовиться и организовать засаду.

Устраивать засады эмир Нариман умел и любил. Именно такой тактикой он и прославился в свое время и за это получил прозвище Волк. Волки же всегда загоняют свою добычу в засаду, составленную из самых матерых своих представителей. Устроить продуманную и пра-

---

⁷ Пехлеван – силач, борец, в более широком смысле – герой.

⁸ Террористическая группировка, запрещена на территории России.

вильно организованную засаду, нанести противнику значительный урон в живой силе и в материальной сфере, а потом уйти группами по заранее просчитанным маршрутам, не ввязываясь в продолжительный бой с превосходящими по численности и вооружению силами противника, потому что у противника всегда может оказаться под рукой резерв. У эмира такого резерва обычно не было. Увязнешь во встречном бою, полагаясь на свой опыт и на опыт подчиненных моджахедов, а тебе в тыл забросят вертолетом резервную группу. Лучше уж отойти вовремя, чем принимать бой на два фронта. Сначала следует дать снайперам возможность проявить себя – уничтожить офицеров, командующих отрядом. Офицеры всегда первыми подлежат отстрелу – этого правила эмир всегда придерживался и наставлял в этом своих снайперов и простых моджахедов. Потом сделать пару выстрелов из «РПГ-7»⁹ осколочными гранатами по рвущимся в бой за медалями солдатам, покинувшим БТР или грузовик – в зависимости от того, на чем они поедут в горы. Если удастся и обстоятельства будут способствовать, то и имеющийся в отряде «РПГ-18»¹⁰ можно использовать. Хотя у гранатометчика с «РПГ-18» мало в наличии гранат и их лучше поберечь для какого-нибудь крупного дела. И тем более «РПГ-18» против современных танков имеет слабоватый заряд, не способный пробить лобовую гомогенную броню. Значит, следует отметить таким нападением, перебить как можно больше простых солдат и покинуть поле боя, оставив там только тубу от «РПГ-18», поскольку этот гранатомет одноразовый, и пустые гильзы от автоматных патронов. А в заранее обозначенном месте, по мере выхода на безопасную дистанцию, отряду предстояло снова объединиться, чтобы моджахедам, уже всем вместе, отправиться на отдых, «на лежку», о местонахождении которой никто посторонний не знает. И самые опытные поисковики найти отряд не смогут, пока сами взбучку от эмира не получат. А когда получают, основной отряд уже на другое место перебазировается – эмир на такой случай и вторую базу успел подготовить, хотя и меньшего размера и с меньшими удобствами. Тактика старая и много веков назад еще проверенная, когда из ниоткуда вылетали вдруг конные лучники, пускали по несколько стрел и тут же, неуловимые, скрывались в лесной чаще. И такие наскоки совершались в нескольких местах дневного перехода, отнимая у противника нервные и физические силы. Эмир Нариман Бацаев не зря когда-то преподавал в школе не только физическую культуру, но и историю. Много полезного для себя из старины взял...

* * *

Вечерние сумерки наступили минут на десять-пятнадцать раньше, чем эмир Волк рассчитывал, когда составлял карту маршрута и выверял время передвижения. Не учел он одной местной особенности, о которой должен был бы помнить: в сирийских и иракских пустынях, где он воевал все последнее время, закат солнца длится долго. Сперва оно неторопливо скрывается за горизонтом, а потом еще целый час, если не больше, длятся такие же неторопливые сумерки. Зимой в Сирии солнце прячется за ливанскими горами, но летом, в первой половине осени и поздней весной закат длится долго. За семь лет, проведенных на войне, вдали от дома, к этому легко привыкаешь. Но в настоящих Кавказских горах, да еще и поздней осенью, все происходит совсем иначе. Здесь небесному диску бывает достаточно по-быстрому нырнуть за

---

⁹ «РПГ-7» – советский ручной противотанковый гранатомет. Осколочные гранаты для него предприятия военно-промышленного комплекса стали выпускать только после войны в Афганистане. До этого «РПГ-7» стрелял только бронебойными гранатами.

¹⁰ «РПГ-18» – ныне снятый с вооружения и замененный на «РПГ-22» одноразовый ручной противотанковый гранатомет «Муха». Но во многих странах еще стоит на вооружении и производится, особенно в странах бывшего Варшавского договора, даже в странах, входящих в НАТО, как бывшие советские Прибалтийские республики или та же Польша. В армейском обиходе называется не гранатометом, а просто гранатой. Это за счет своей одноразовости и сложности списания с баланса собственно настоящего гранатомета. Списать гранату гораздо проще.

дальний, самый высокий в округе хребет, и наступает темнота, только виднеются причудливые очертания хребта – солнце его подсвечивает снизу. Уже стемнело, а села все еще не было видно. Тропинка-дорога, хотя и расширилась стараниями овечьей отары, которую недавно здесь прогоняли на зимнее пастбище, из леса так и не вышла.

В селе уже должен был зажечься свет в домах. Но эмир Нариман хорошо помнил, что впереди, как только закончится старый, густой, заросший кустами лес, дорогу перекроет большая скала, еще в детские годы Наримана возвышавшаяся высоким и достаточно широким столбом. И мальчишки, в том числе и будущий эмир, постоянно на эту скалу забирались, чтобы обозревать окрестности – подъем на самый верх считался удалством и отвагой. Там, на высоте, голова кружилась – у кого-то из-за высоты скального столба, у кого-то от собственного осознания победы. Но у Наримана никогда не кружилась. Он лучше других понимал, знал и чувствовал, что он рожден для победы, а покорение скалы – это только промежуточный этап большого пути, поэтому, забираясь на скалу, он стремился всех обогнать. Потом, во время землетрясения, эта скала упала и легла боком прямо на дорогу, перекрыв ее и расколовшись в середине на две почти равные части. Теперь из-за нее не видно огней села. Их можно увидеть, если обогнуть скалу так, чтобы от села отделял только лежащий в низине колхозный яблоневый сад. Сейчас сад, как поговаривают, принадлежит какому-то важному человеку в Махачкале. Яблоки собирают и отправляют тремя грузовиками в Каспийск, там в новом цехе их пускают под пресс, делают из урожая сок, а потом в другом новом цехе разливают по упаковкам. Нариману не нравились все эти важные дельцы, и он бы с удовольствием приказал вырубить или сжечь весь сад. Но сад давал работу многим жителям, и, как говорили, большой и важный человек из Махачкалы даже платил заработную плату работающим в саду людям. Наверное, и жена Наримана, Гульнара, тоже в саду работала, она ведь когда-то была простой колхозницей и делала все, на что ее пошлют, когда Нариман еще разрешал ей работать. Это позже он, уже имея значительный счет в банке, приказал жене дома сидеть и заниматься воспитанием детей. Гульнара вынужденно согласилась, не смея перечить мужу, как и положено у них в народе. А потом, когда он уехал, она снова работать пошла, потому что семья привыкла к определенному уровню жизни, а того, что Нариман присылал жене, для поддержания этого уровня было мало. Больше он прислать не мог, денег едва хватало на содержание отряда. К тому же Нариман оставил значительную сумму у друга детства, и тот должен был через определенные промежутки времени что-то Гульнаре передавать. Но передавал он или нет – вопрос оставался открытым. У жены эмир Волк об этом не спрашивал. Подойдет время, думал, спросит у самого друга детства. Так что торопиться с вырубкой сада он не стал. Требовалось еще разобраться в необходимости таких кардинальных мер.

– Зимой здесь спускаться трудно, – определил крутизну спуска Ваха, – а взбираться еще труднее – снег. Ноги поедут, и не удержишься, скатишься...

– Доедешь только до ближайшего дерева, которое своей костлявой задницей и сломаешь, – через плечо, не оборачиваясь, ответил ему идущий впереди Абдул-Меджид.

– Зимой здесь не ходят, – пресекая возникший ненужный и недобрый спор, ответил за Ваху эмир Нариман. – Зимой с горы лавина сойти может... Угробит любого. Я еще пацаном был, классе во втором или в третьем, помнится, учился, когда тракториста вместе с бульдозером завалило. Пока место нашли, пока откопали, он уже задохнулся. Лавина деревья валит, а человека-то и подавно по камням размажет... Бульдозер гусеничный с дороги метров на двадцать сдвинуло, чуть со скалы не сбросило. Никому проверять не советую.

– До зимы еще далеко, – сказал Ваха, не собираясь вроде бы отвечать на грубость Абдул-Меджида.

Тот тоже, кажется, не пожелал продолжать, только сказал:

– Помню, Нариман, случай этот. А как не помнить, когда тракторист тот, покойный, на моей старшей сестренке женат был.

Про Ваху он, как показалось, забыл и продолжать пикировку словами не пожелал. Оба отлично знали привычку эмира Наримана время от времени пресекать всякие ссоры в отряде самыми простыми словами. А потом следовало выделить спорщиков в одну команду для отправления на какое-нибудь задание, желательно опасное. И там уже жизнь одного зависела от другого. И никто в этом случае никого не подводил. Общее дело скрепляло моджахедов в единую команду. А как иначе, если одно дело делать совместными усилиями и зависеть друг от друга?

Отряд обогнул упавшую скалу и остановился. По строю передали:

– Видно огни села. Пришли...

– Пришли... – с удовольствием повторил Нариман Бацаев, и ему очень захотелось выпить чашку горячего чая. Того чая, что всегда так хорошо заваривала его мать. Соседи пили чай обычно из пиал, но мать Наримана предпочитала чашки. И воду для чая брала только из дальнего колодца, расположенного в другом конце села рядом с мечетью. Волк даже представил себе чуть вяжущий вкус этого чая у себя на основании языка и словно бы услышал слова матери:

– Пей, сынок. Кто ж тебя там, в дальних краях, чаем угостит?..

Так мать провожала сына, готовящегося поехать в далекий Ирак. Но прежде следовало еще перейти границу между Россией и Грузией. А по ту сторону границы его должны были встретить нужные люди. Точнее, люди, которым был нужен он. Но границу Нариман намеревался перейти официально, со всеми необходимыми документами, и потому не думал здесь встретить препятствий...

Глава первая

Разведроту подняли по боевой тревоге, хотя спали бойцы после возвращения с задания чуть меньше двух с половиной часов. Командир роты капитан Василий Николаевич Одуванчиков просил командира сводного отряда спецназа военной разведки Северного Кавказа подполковника Репьина дать солдатам поспать еще хотя бы полчаса, поскольку рота до этого вела тяжелый суточный встречный бой, а потом в рукопашной схватке перекрывала ущелье, не позволяя местной вооруженной банде прорваться на открытое пространство и спрятаться в тугаях¹¹.

– Спать мы все на пенсии будем, – ответил подполковник. – Если до пенсии доживем... Но, говорят, и в могиле хорошо спится, когда никто не беспокоит. Правда, что там не беспокоят, я не вполне уверен...

Он носил руку на перевязи, сооруженной из двух связанных между собой камуфлированных бандан взамен обычной бинтовой перевязи, которую вместе с гипсом наложил военврач в госпитале: подполковник Репьин словил левым плечом пулю снайпера во время недавней операции по уничтожению бандитов, а снайперы, известное дело, в первую очередь ставят в прицел командиров и вообще офицеров, поэтому офицеры предпочитают одеваться как простые солдаты, и определить их можно только по наличию портупеи, которую многие в боевой обстановке предпочитают носить постоянно. Тем не менее даже после этого ранения подполковник продолжал лично участвовать в нескольких операциях подчиненного ему сводного отряда спецназа и вполне имел возможность не дожить до пенсии, поскольку предпочитал первым подниматься в атаку, увлекая за собой остальных. Но камуфлированная бандана все же не так «светилась», как обыкновенный медицинский бинт, даже затертый и не совсем свежий, и Репьин, чтобы хотя бы частично удовлетворить требования категоричного врача, повязку на территории военного городка не снимал. А загипсованное плечо легко пряталось под кителем, поверх которого были надеты еще бронежилет и «разгрузка». Держать двумя руками автомат командир сводного отряда пока не мог. Он от природы был левша¹², но не имел возможности прижимать приклад в левому плечу: после первого же выстрела рана открывалась, и начиналось кровотечение. Однажды раненый подполковник сумел почти в упор дать очередь в снайпера бандитов, у которого после этого забрал «АПБ»¹³. Это оружие позволило Репьину не только производить одиночные выстрелы, но и вести автоматическую стрельбу по противнику, поскольку проволочный приклад упирался в плечо выше места вхождения пули. Боль при стрельбе все равно присутствовала, при каждом выстреле Репьин сильно морщился, но рана не получала удара отдачи и не открывалась, а подполковник говорил, что приток крови к ране только помогает ей быстрее зажить.

---

¹¹ Тугай (тугайные леса) – пойменные галерейные леса в пустынях Средней, Центральной Азии и Северного Кавказа. Растут вдоль русел рек и по низким островам на богатых аллювиальных почвах, то есть в местах, время от времени затопляемых паводковыми водами. Сосредоточены с заливными лугами.

¹² Левша в стрельбе сильно отличается от привычного нам понимания левши, у которого основная работающая рука – левая. Левша в стрельбе прицеливается при прицеливании правый глаз. И если простого левшу можно обучить основную работу выполнять правой рукой, то левшу в стрельбе переучить невозможно. Левша в стрельбе на вытянутой вперед руке поднимает вверх большой палец, закрывает им какой-либо предмет, потом поочередно зажмуривает правый и левый глаз. У левши закрытый предмет появляется при прицеливании правого глаза, у правши – левого. Среди военнослужащих количество правшей и левшей в стрельбе обычно примерно равно, и их умышленно разделяют, чтобы вести одновременную стрельбу, например, из-за двух противоположных углов здания и простреливать при этом всю улицу.

¹³ «АПБ» – автоматический пистолет беззвучный, создан в 1972 году конструктором оружия А.С. Неугодовым на Тульском оружейном заводе на базе автоматического пистолета Стечкина. Имеет возможность автоматической стрельбы. Калибр 9 мм. Патроны 9х18 ПМ. Двухрядная, как у «АПС», обойма на 20 патронов. Только приклад проволочный, отъемный, имеющий брезентовое покрытие-кобуру. Приклад устроен так, что точка опоры находится выше, чем у деревянного приклада «АПС». Это позволяет снизить подбрасывание оружия при отдаче, таким образом повысив кучность и, соответственно, прицельность.

Капитан Одуванчиков оказался человеком понятливым, настаивать на своей просьбе не стал, а сразу объявил роте подъем по тревоге. По тревоге – значит, рота должна встать в строй при оружии, которое солдаты быстро получали у дневального, который открывал оружейную горку и стоял рядом с решетчатой дверью с ключами в руках, запуская бойцов внутрь. Все делалось быстро и с толком. Капитан Одуванчиков не стоял ни у кого над душой с секундометром в руке, как бывало при учебных тревогах, и не подгонял солдат, которые сами понимали ответственность момента и все выполняли точно и уверенно.

Сказывалось присутствие в казарме и командира отряда подполковника Репьина. Само его присутствие словно бы говорило об ответственном задании, которое предстоит выполнить разведроте. Но командир отряда всей роте давать задание не стал. Он просто прошелся перед строем, заставил несколько человек попрыгать, как делал это порой сам командир роты, проверяя, не гремит ли что-то в экипировке, и убедился, что рота готова к выполнению задания и никто из бойцов не сетует на то, что не удалось выспаться.

В это время в окнах казармы показался свет узких маскировочных фар нескольких машин. Услышав шум двигателей, особенно хорошо различимый в ночи, командир сводного отряда словно бы стряхнул с себя какое-то оцепенение и произнес резко и громко, как обычно отдавал команды на плацу:

– Короче... Рота – по коням! Три первых взвода – к машине! Два последних – бегом на вертолетную площадку! Там вас уже ждут. Командир – быстро в оперативный отдел за проработкой вводной на задание и за получением всей дальнейшей информации! Поторопись, пока оперативники там не уснули. Начштаба ждет тебя там же. Сам летишь на вертолете. Все! Все вперед!

Подполковник двинулся первым в сторону выхода из казармы, впрочем, шагая не слишком быстро, хотя и широко. Капитан Одуванчиков обогнал подполковника в дверях, через которые в это время уже выходил первый взвод, а второй стоял в очереди, чтобы не создавать суеты. Разведрота располагалась на первом этаже четырехэтажной казармы как подразделение, наиболее часто поднимаемое по тревоге. Правда, не реже приходилось покидать казарму и пилотам боевых вертолетов-ракетоносцев, которые занимали четвертый этаж, но вертолетчики, как старшие офицеры, жили в отдельных «кубриках», каждый из которых был рассчитан на одного человека, и именно эти «кубрики» по воле архитекторов были расположены на четвертом этаже. Правда, были «кубрики» и на других этажах, в том числе и на первом, где жили офицеры – командиры взводов и командиры отдельных рот. Но такие «кубрики» обычно вмещали по несколько человек и предназначались для младших офицеров.

– К машине! – проходя мимо, скомандовал капитан Одуванчиков командиру первого взвода старшему лейтенанту Анисимову. – Сережа, за меня с тремя взводами остаешься. Я сам на вертолете лечу с двумя другими. Жди «проработку операции» у ворот. Я подойду. Принесу план и карту.

Старший лейтенант скороговоркой дважды повторил команду для бойцов своего взвода, первое отделение которого уже забралось в кузов «ЗИЛ-131» и расселось в глубине под тенотом. И только тут командир разведроты обратил внимание на необычно высокие борта кузова автомобиля. Такие же борта были и на двух других грузовиках. Но вопросов об этом Василий Николаевич не задал, да и задавать было некому. Подполковник Репьин задержался на высоком крыльце казармы и разговаривал там с другим подполковником – пилотом вертолета, только-только спустившимся с четвертого этажа. А спрашивать у водителя машины было бесполезно. Тот, конечно, мог и знать, но, вероятнее, все-таки не знал. А ответ в последнем случае мог быть только один: «Что-то опять поставили. Мы же для командования – на испытательном полигоне служим. Все на нас что-то испытывают. Как в Сирии...» Борта грузовиков были прикрыты какими-то плитами, по форме похожими на плиты стандартного утеплителя,

но даже невооруженному глазу было заметно, что они более жесткие и даже по цвету напоминают больше керамику.

Капитан Одуванчиков, так ни у кого и не спросив про новинку, широким маршевым шагом двинулся к штабному корпусу, где перед лестницей поднятой рукой поприветствовал дежурного по штабу, уже засевшего за свою высокую стойку, за которой было удобно спать прямо в кресле, вытянув ноги, – все равно никому не видно, а сержант, помощник дежурного, всегда готов старшего офицера разбудить при приближении начальства – например, командира сводного отряда или начальника штаба, сурового и всегда нахмуренного майора Алексея Викторовича Смурнова, очень, похоже, свою фамилию уважающего и всем своим поведением подтверждающего свою «смурность».

– Репин за мной идет... – не останавливаясь, предупредил Одуванчиков дежурного.

– Он к себе спать отправится. Так сказал... – лениво и сонно ответил дежурный, но сержант положил руку ему на плечо, и дежурный вовремя встал. По лестнице спускался старый служака и великий знаток и любитель безуклонительного выполнения всех воинских уставов майор Смурнов, которому Одуванчиков на ходу отдал честь.

– В оперативный отдел? – спросил майор.

– Так точно, товарищ майор.

– Поторопись. А то они уже зевают там, боюсь, уснут прямо за столами. Заждались... – Смурнов резко развернулся, желая двинуться вслед за командиром разведроты. – Пойдем. Может, и я что подскажу... Я давно этого Бацаева знаю. Лично знаком, еще со времен спорта. Хороший был когда-то боец...

Одуванчиков, до этого шагавший через ступеньку, сбавил темп, давая возможность начальнику штаба догнать его.

– Что фамилия эмира означает, знаешь? – спросил майор.

– Никак нет, товарищ майор.

– «Бац» по-аварски – «волк».

– Значит, по-русски он кто-то типа Волкова? – задумчиво произнес Василий Николаевич. – Обычно у полевых командиров и кличка бывает по фамилии. Волк... Что-то я слышал про такого эмира. Не помню только от кого...

– Из твоей бригады кого-то в Сирию отправляли? – прямо спросил Смурнов, давая действенную подсказку.

– В Сирию нет. А вот в Ираке наши бывали. Точно... – стукнул Одуванчиков себя по лбу. – Когда наши из Ирака вернулись, они рассказывали про эмира по кличке Волк. Говорили, что грамотно засады выставляет и в бой не ввязывается, а сразу после обстрела уходит. И так несколько раз за один маршрут. Из-за этой его манеры выставлять засады потери были большие. Мы даже специально разбирали этот метод и учились ему противодействовать.

– Вот-вот. На этом его и следует ловить. Это он и есть, – усердно закивал головой начальник штаба. – Мы с оперативным отделом именно это и разрабатывали.

Майор Смурнов был в отличном расположении духа и потому много говорил, хотя обычно он предпочитал молчать и только отдавал приказы. А Одуванчиков в присутствии начальника штаба ощущал некоторую неуверенность. Он даже рассчитывал проскочить мимо майора и без него посетить оперативный отдел, но Смурнов неожиданно решил вернуться.

Капитан Одуванчиков неуверенно пожал плечами. Он хорошо знал, что офицеры оперативного отдела обычно в мельчайших деталях прорабатывают план предстоящей операции, предусматривают все возможные варианты, стараясь учесть любую даже минимальную возможность хоть как-то изменить ситуацию и повернуть ее к участникам другим боком, не соответствующим правилам и нормам. Но реальность преподносит сюрпризы, и командиру роты потом приходится самому принимать необходимые решения и отдавать собственные приказы, не опираясь на разработки оперативного отдела.

– Что плечами пожимаешь, капитан? – понимая ситуацию лучше других, недовольно проворчал начальник штаба. – Опять будешь говорить, что оперативный отдел зря хлеб ест?

Оперативный отдел отряда входил в прямое подчинение майора Смурнова, и Алексей Викторович, как обычно, готов был с пеной у рта отстаивать достоинства своих подчиненных офицеров. Зная это, капитан Одуванчиков предпочел промолчать, тем более что лично начальнику штаба он такого не говорил, а что тому передали, он не знал, и, чтобы скрыть свое смущение, намеренно споткнулся о ступеньку, отлитую из шлифованного бетона, перемешанного с мраморной крошкой, и покрытую ковровой дорожкой.

На третьем этаже они вместе свернули в коридор направо, миновали половину длинного и пустого из-за ночного времени суток коридора, и майор Смурнов без предварительного стука толкнул дверь кабинета оперативного отдела.

– Сидеть... – махнул Смурнов рукой, заметив, что оба сидевших за своими столами капитана начали вставать, а старший уже набрал в грудь воздух, чтобы произнести традиционные уставные слова доклада, такие любезные уху майора. – Только что расстались... Продолжайте работать.

Капитаны переглянулись, синхронно вздохнули и сели. На столах перед ними были разложены карты с различными отметками и стрелками.

– Василий Николаевич, подойди ближе, – потребовал майор, остановившись перед столом капитана Мимохожего и разворачивая на столе карту так, чтобы север смотрел вверх и строго на настоящий север – капитан Одуванчиков слышал, что майора Смурнова много раз пытались проверять, но компас у него, похоже, находился в голове, он никогда не ошибался. Из руки капитана Мимохожего Смурнов мимолетным жестом вытащил красно-синий, заточенный с двух сторон карандаш, чтобы использовать его вместо указки. – Вот, смотри. Это родное село Наримана Бацаева. Здесь у него проживают мать, старший брат, жена и трое детей – два сына и дочь. Сыновья еще малолетние. Дочь, старшая из них, собирается замуж за местного участкового, старшего лейтенанта МВД Мухаммеда Даниялова. В настоящий момент отряд Бацаева, – майор посмотрел на свои наручные часы, – уже должен был вступить в село. В селе трое полицейских, и это вместе с участковым – вся защита мирных жителей. О том, что там в настоящий момент происходит, можно только догадываться. Никакими данными мы не обладаем. Но Мухаммеда Даниялова мы предупредили, он должен организовать оборону. Вопросы? – не спросил, а потребовал Смурнов. – По лицу вижу, что они назрели.

– Первый вопрос естественный. – Капитан Одуванчиков в самом деле только и ждал, когда майор закончит говорить, не желая перебивать начальника штаба. – Численное количество банды Бацаева.

– По данным пограничников, которые отряд через границу по нашей просьбе пропустили без боя, пятнадцать-семнадцать человек. Точно рассмотреть помешала темнота. Данные у наблюдателей не сошлись. Небольшая ошибка допустима как в одну, так и в другую сторону.

– Вооружение?

– Ночной оптический прицел дает только приблизительные данные. Да еще пограничники жалуются, что заряд аккумулятора у их снайпера сел – плохо видно было, а определить вооружение поручили именно ему. Но у всех или автоматы Калашникова, или американские карабины «М-4». Два гранатомета. Гранатометы не парные – «РПГ-7» и «РПГ-18». Два снайпера, один молодой, со старенькой «СВД», но с мощным французским прицелом. Второй – в возрасте, более, видимо, опытный, с «ТКБ-0145К»¹⁴ с таким же прицелом, что и у первого. Это снайпер пограничников в свой «ПСО-1»¹⁵ хорошо рассмотрел. Он, видимо, толк в прицелах

---

¹⁴ «ТКБ-0145К» – советская и российская снайперская винтовка под калибр повышенной мощности 6 мм (под патрон 6х49 мм). Предназначена для противоснайперской стрельбы и для поражения целей в индивидуальных средствах бронезащиты на больших дистанциях.

¹⁵ «ПСО-1» – самый распространенный оптический прицел в Советской и Российской армиях.

знает. Для крепления французских прицелов на обе винтовки кустарным способом специально установлены планки Пикатинни¹⁶. Прицелы стоят намертво – видимо, качественно пристреляны. Снайпер «погранцов» обратил внимание даже на то, что планки Пикатинни установлены кустарным способом – молодец! Все, кого пограничникам удалось рассмотреть, имеют при себе пистолеты и ножи. Теперь мое личное предположение: я достаточно хорошо знаком с Бацаевым, поэтому смею думать, что такой небольшой отряд он сформировал из бывших бойцов ММА или же просто бойцов различных единоборств, поскольку сам является одним из сильнейших в мире спортсменов среднего и полутяжелого веса. Начинал в среднем, потом устал вес гонять, неумоготу стало, и перешел в полутяжелый, хотя и там ему пришлось немного сбросить. Но немного – это допустимо. В общем, не рекомендую вступать с его отрядом в рукопашную схватку. Можно на непредвиденные обстоятельства нарваться.

– У меня в строю сто двадцать семь солдат и сержантов, считая троих легкораненых, которые пожелали остаться в строю. Трое раненых сегодня находятся в гарнизонном госпитале. Повторяю, сто двадцать семь человек. И это не считая офицеров. И все с «рукопашкой» дружат. Мы их просто весом и количеством задавим, товарищ майор.

Капитан Одуванчиков отлично помнил, что сам майор Смурнов когда-то умел совмещать активные занятия спортом со службой в спецназе и, хотя так и не стал профессиональным спортсменом, все же умудрился выступить в нескольких крупных профессиональных турнирах. И потому он чувствовал некоторый пиетет перед профессиональными бойцами ММА. Так майор сам себя, грубо говоря, приподнимал над окружающими. Но у капитана Одуванчикова на этот счет было собственное мнение. Он ставил профессиональных бойцов на одну планку со своими солдатами, но никак не выше. А кое-кого из наиболее подготовленных бойцов, особенно из числа контрактников, которых в разведроте было три четверти от общего состава, и выше профессиональных спортсменов. Поэтому рукопашной схватки он не опасался. Он, конечно, понимал разницу в весовых категориях и отдавал себе отчет в том, что маловесящий боец спецназа военной разведки не сможет справиться даже с полутяжеловесом в скоротечной схватке, но за счет своей направленной тренированной выносливости сумеет, если будет держать дистанцию, вымотать противника и в итоге победить. К тому же бойцы разведроты спецназа ГРУ не имели тех ограничений в весе, какие, скажем, приняты в воздушно-десантных войсках, где вес определялся максимальным весом парашютиста¹⁷, и встретить крупнокалиберного спецназовца было вполне реально, хотя сам капитан Одуванчиков обычно предпочитал набирать к себе в роту бойцов средней комплекции или даже худощавых, но при этом жилистых, объясняя свой выбор тем, что у тяжеловесов и «качков» обычно хромает выносливость. Это и понятно: носить на ногах или перемещать на руках длительное время излишнюю тяжесть сложно.

Но выкладывать свои соображения майору Смурнову дополнительно капитан не стал. Это было бы легким принижением того, чем начальник штаба сильно гордился. Тем более майор как раз в это время позвал Одуванчикова за собой.

– Пойдем ко мне спустимся. Карту тоже заberi. Я тебе кое-что про Бацаева дополнительно расскажу. Карты, говорю, захвати! Не зря же капитаны половину ночи за ними просидели.

Половина ночи еще не прошла, но Одуванчиков опять не стал возражать.

¹⁶ Планка Пикатинни – рельсовое крепление, используемое для обеспечения унификации креплений прицелов и т. д.

¹⁷ Вес парашютиста воздушно-десантных войск обычно ограничивается 120 килограммами вместе с оборудованием и оружием. Следовательно, вес самого парашютиста должен быть в районе 80 килограммов, и, хотя современные планирующие парашюты-крыло могут держать и больший вес, старый норматив в Российской армии никто еще не отменил.

* * *

Кабинет начальника штаба размещался на первом этаже неподалеку от стойки дежурного, напротив двери шифровального отдела. Дежурный капитан из комендатуры опять был разбужен рукой сержанта, коснувшейся его плеча, и смотрел осоловелыми и мало что понимающими глазами на Смурнова и Одуванчикова, ожидая какого-то приказа, которого так и не последовало. Смурнов только «смурно» посмотрел на дежурного и прошел мимо, и командир разведроты проследовал за ним.

Майор открыл дверь в кабинет своим ключом, который обычно носил на связке рядом с другими, и широко распахнул ее перед командиром роты, словно приглашая его войти и устроиться поудобнее за не слишком длинным столом для заседаний. Затем закрыл дверь за капитаном плотно и аккуратно, без стука.

– Я вот что хотел тебе рассказать... – слегка смущаясь, начал Смурнов и снова посмотрел на часы. – Времени у нас мало, поэтому буду краток. Короче говоря, дело обстоит так. Как только мы сообщили старшему лейтенанту Мухаммеду Даниялову о том, что к селу приближается банда Волка, он сразу позвонил в райотдел полиции и запросил в помощь взвод ОМОНа. Мы держали трубку Даниялова на «прослушке», и я лично сразу связался с начальником райотдела и запретил Мансуру Ниязовичу высылать ОМОН в село.

– Почему, товарищ майор? – не понял капитан Одуванчиков. – Пока мы туда доберемся, Волк успеет дел натворить...

– А нам и нужно, чтобы он натворил дел. Он вернулся в свою республику, где его знают и помнят. Вернулся, ощущая себя народным героем. А нам необходимо его поставить на место, представить натуральным бандитом и террористом. Пусть Волк Нариман или сам это сделает, или кому-то поручит – короче говоря, он должен убить Даниялова и стать врагом еще и для своей дочери, невесты Мухаммеда. Разлад в семье обязательно внесет разлад и в его душу. Он превратится из героя в простого убийцу, в бандита, каким он на самом деле и является. И многие тогда от него отвернутся.

– А как же сам Мухаммед, как его невеста? – спросил капитан.

Майор Смурнов перед ответом долго не думал:

– Я запросил устную характеристику на Даниялова. Хорошего полицейского терять было бы жалко даже нам, потому что хороший участковый – это значительная поддержка на месте. Но этот старлей ничего интересного собой не представляет. Начальник райотдела даже вынужден был перезвонить сначала домой начальнику службы участковых, а потом и мне. Он сам не знает, что у него в подчинении есть такой старший лейтенант. Ради полного уничтожения банды Волка начальник райотдела согласен пожертвовать одним участковым.

– А что за человек эмир?

– Трудно сказать. Я с ним встречался только на взвешивании, где проводили «дуэль взглядов», а потом только в бою. Взгляд у него тяжелый, недобрый. Но на самом деле на «дуэли взглядов» он таким и должен быть, он должен пугать противника. А в бою он меня чуть не задушил. Я вовремя успел постучать по его руке¹⁸.

«Некрасиво майор хочет рассчитаться», – подумал капитан Одуванчиков, который видел в этом вопросе несправедливость, хотя капитан и знал старую поговорку, что бандит и в Африке остается бандитом.

– А теперь выслушай свою задачу. Мы надумали накрыть банду Волка. Всю, целиком, чтобы никто не вывернулся...

---

¹⁸ Постукивание по руке, по телу противника, по своему телу или даже по полу означает сдачу и невозможность продолжать схватку.

Глава вторая

Отряд дождался, когда эмир Нариман спустится к упавшей скале. Кто-то из моджахедов сидел на камнях, кто-то полулежал прямо на сухих листьях. Карлик Абубакир, неуклюже переступая короткими кривыми ногами, сразу же сгреб несколько охапок листьев под самой скалой, куда их намело ветром, и положил позади эмира, чтобы тому было удобно присесть или, по желанию, даже прилечь, чем Бацаев сразу же и воспользовался. Поблагодарив карлика, эмир сбросил с плеч рюкзак и лег на бок.

В принципе отряд не опоздал. Единственное – стало невозможно в темноте рассмотреть все, что хотелось, с помощью бинокля. А бинокля с тепловизором у Наримана Бацаева не было. Он давно хотел себе приобрести такой. Один раз ему даже принесли мощный семидесятикратный японский бинокль с эффектом ночного видения, но Нариман категорически отказался за него платить довольно большие деньги. Дело в том, что такое значимое увеличение давало ясную картину только при использовании штатива. А повсюду таскать с собой штатив было бы просто смешно. Слишком легко таким образом превратиться в мишень для снайпера противника. Да и простой автоматчик в подобную мишень не побрезгует дать очередь, сообразит, что со штативом будет работать только непростой человек. А Бацаев трепетно относился к своему телу, справедливо считая каждое ранение, даже пулевую царапину, бедой, которая когда-нибудь, в критической ситуации, может и сказаться. А пули снайперов, чаще всего, не ранят, а сразу отправляют человека к праотцам, особенно если стреляют из крупнокалиберной винтовки. Например, пуля снайперской винтовки «Корд» способна разорвать человека на несколько частей. Такое в практике эмира Наримана уже случалось. Только что, казалось, вполне здоровый и сильный мужчина нес свой пулемет на позицию после смены перегревшегося ствола, но пуля снайпера из одного сильного человека сделала двух бессильных, даже неживых. Эмир Нариман считал, что лично ему навещать своих предков еще рановато. И он в случае обстрела предпочитал укрываться.

Устроившись на куче листьев поудобнее, он раскрыл свой объемный обвислый старый туристический рюкзак, отличающийся от солдатских камуфлированных рюкзаков моджахедов его группы, и вытащил оттуда кожаный офицерский планшет – памятный трофей, снятый в Ираке с убитого наемника-англичанина, напоминающий о первой и весьма удачной засаде. Англичанин был когда-то офицером SAS¹⁹, профессиональным парашютистом и хладнокровным убийцей, который получал удовольствие от того, что отрезал пленному сирийцу голову своим хорватским ножом с трубчатой титановой ручкой. Он с этим ножом никогда не расставался и даже с его помощью учил Бацаева метать ножи. Когда англичанина убили в бою, эмир забрал его планшет и нож в придачу к своему метательному – мертвому такое оружие ни к чему, справедливо рассудил Волк. А всякие бредни про карму и наследие, передаваемые через оружие, он попросту отмел, выбросил из своей головы. Сейчас Нариман раскрыл планшет, и все, кто стоял или сидел ближе, увидели планкарту. По очертанию ближайших гор нетрудно было догадаться, что это планкарта села, на окраине которого отряд и находится.

Эмир согнутым заскорузлым пальцем подозвал к себе Ваху Чохкиева и Гаджи-Гусейна Рамазанова, двух снайперов своего отряда.

– Загляните в карту. – Он выровнял потрепанные на сгибах листы карты ребром ладони, положил перед собой трубку с включенным компасом, совместил изображение на ней с реальными сторонами света. – Вот здесь сейчас мы. Вот этот дом, рядом с сельсоветом, когда-то был занят милицией. Думаю, их опорный пункт до сих пор на месте, хотя милиция давно уже

---

¹⁹ SAS (Специальная авиадесантная служба) – подразделение ВС Великобритании. Считается одним из лучших подразделений спецназа в мире.

превратилась в полицию. Найдите мне этот дом и посмотрите, что там сейчас. Иначе придется или по всему селу искать, или захватывать кого-то, кто подскажет. А мне не слишком приятно на односельчан нажимать.

– Понятно, эмир, сейчас глянем... – отозвался более разговорчивый и приветливый Гаджи-Гусейн.

Оба снайпера попросили помощи у товарищей. Их подсадили на плечи, приподняли, и Рамазанов, более молодой, взобрался на лежащую на боку скалу, протянул руку и втащил наверх Чохкиева. Вдвоем они долго рассматривали в прицел лежащее в низине село.

– Ого! – не выдержал Гаджи-Гусейн и сказал предельно громко: – В том доме, что ты, эмир, нам показал, окна и дверь забаррикадированы мешками с песком. Такое впечатление, что нас там ждут. Ой-ой-ой, а это кто там еще?

– Женщина... С одним из «ментов» – женщина! – ответил Чохкиев, тоже отыскавший в прицел нужный дом. – «Мент» сердится, прогоняет ее, а она уходит не собираясь. Смелая девка... Жена, наверное. С мужем погибнуть готова...

– Молода вроде бы для жены... Хозяйство такой доверить сложно. Я бы подумал, что ученица старших классов, – ответил Рамазанов, не отрываясь от своего прицела.

– У меня дочь нынешней весной одиннадцатый класс окончила, – так же громко, даже непривычно громко для себя, поддержал разговор эмир, стараясь быть услышанным снайперами. – В институт поступать ее мать не пустила – пандемия кругом. Решила побереечь дочь от всяких болячек. Да и зачем девчонке институт? Я лично против... Замуж ее выдать надо бы. Пусть жена подходящего жениха ищет. Я так и скажу ей.

В это время гроыхнул выстрел винтовки «ТКБ-0145». Он именно гроыхнул, потому что изначально был более громким, нежели выстрел из «СВД». Но и «СВД» тут же отметилась.

– Попал! – с каким-то восторгом сказал Ваха. Хотя ему давно пора было привыкнуть к тому, что он почти не промахивается. – Снял одного «мента». Того, что за пулеметом в дверях сидел. Прямо через бойницу пуля прошла. И в голову.

– И я попал! – доложил менее экспрессивный, но более разговорчивый любитель комментировать свои удачные выстрелы Рамазанов. – Того, что пулемет подхватить хотел. Пулемет-то на крыльцо вывалился. Теперь там и лежит... Я тоже стрелял через бойницу. Через ту самую.

– Мой был сержантом, – доложил Чохкиев.

– А мой – младшим сержантом, – в тон ему сообщил Гаджи-Гусейн. – Осталось только до старшего лейтенанта добраться. Но его женщина постоянно прикрывает, не в нее же стрелять!

– А почему же не в нее? – высказал свое мнение Ваха. – Можно и в нее... Подстилка ментовская! – и тут же послал следующую пулю. – Попал, кажется. Только теперь никого не видно. За мешки присели.

– Ты ей в предплечье попал, – сообщил Рамазанов. – Старший лейтенант ее перевязывает. Сумка с красным крестом в бойнице мелькнула. Я выстрелить в сумку не успел, а хотел прямо в центр красного креста.

– Все, гонит он ее. Категорично гонит. Эх, спрятался... Только я прицелился...

– Короче! Все ко мне... – распорядился эмир и шире разложил перед собой планкарту поселка. – Теперь мы знаем, где «мент» сидит. И из троих он один остался. Мы туда не пойдем. Нам вообще к этому дому не надо. Абдул-Меджид, даю тебе ровно три часа. Засакай время. Навести свой дом, посмотри на внуков, поговори с сыновьями. Может, они захотят к нам присоединиться. Я тоже схожу, свою семью навещу. Через три часа вернусь с новостями. Ваха и Гаджи-Гусейн, оставайтесь на местах. Подкараульте этого старлея. С «ментами» у нас разговор должен быть коротким. Остальные – будьте готовы. Выставите посты. За меня остается Нажмутдин Омаров. Смотри! Никакой самодеятельности!

Нажмутдин поднялся во весь свой гигантский рост.

– Понял, эмир, – мрачно ответил он, умышленно приглушая свой тяжелый басистый голос.

Эмир Нариман давно уже присматривался, какой у Нажмутдина рост. Однажды даже спросил. Омаров в ответ только неуверенно пожал плечами:

– В школе еще, в десятом или одиннадцатом классе, был двести шестнадцать. Тогда перед физкультурой меня специально измеряли. Но потом еще, кажется, подрос. Сейчас, думаю, под двести двадцать уже вытянулся. Штаны слегка коротковаты стали.

Слово «слегка» явно было из другой истории. Все в отряде хорошо знали, что штаны – это обычная беда Нажмутдина Омарова. К счастью, он имел не слишком большую ступню, и обувь ему всем отрядом, бывало, добывали в бою, специально охотясь на крупных людей. А если она не подходила, то просто обрезали задники. Но вот сами ноги у Нажмутдина были чрезвычайно длинные, и штаны подобрать ему никак не удавалось, поэтому он всегда ходил в коротких штанах, спускающихся ему едва-едва ниже колена. Но даже с короткими штанами у гиганта всегда были проблемы. Кажется, не было такого боя, чтобы шальная пуля не порвала их в каком-нибудь месте. Могла ведь и в тело запросто угодить! Тем более гигантские размеры Омарова не позволяли ему как следует спрятаться в укрытии. Однако пули все равно рвали только штаны, иногда задевая по касательной сами ноги. Нажмутдин давно к подобному привык. Выглядела его фигура достаточно смешно, но смеяться над гигантом никто не решался. Омарову стоило только посмотреть на кого-то серьезно, как человек готов был откусить себе язык – такая во взгляде гиганта была сила. Этот взгляд становился добрым и понимающим только тогда, когда великан смотрел на карлика Абубакира. Нажмутдин Омаров прослыл человеком мрачным и злобным, хотя никому специально старался зла не причинять и не вступал в споры с братьями по оружию.

Эмир Нариман ценил этого гиганта за его крупные, почти слоновьи уши, которые часто слышали то, чего не слышал никто. И если подкрадывался враг, Нажмутдин первым объявлял тихую и незаметную тревогу, что уже несколько раз выручало и спасало от беды отряд, позволяя скрыто подготовиться к встрече противника. А уж про исполнительность гиганта и говорить не стоило. Он являлся доверенным лицом эмира и всегда с честью справлялся с поставленной перед ним задачей. И сейчас, оставляя Нажмутдина вместо себя, Волк знал, что в отряде все будет спокойно.

Поднявшись первым и погладив по голове карлика Абубакира, которого он оставил в отряде из-за странной внешности, которую родственники эмира могли попросту не принять, Бацаев двинулся в сторону села, краем глаза заметив, что за ним поднялся и пошел возрастной Абдул-Меджид. Но бывшему тренеру было не совсем по пути с эмиром. Нариману следовало пройти прямо целый квартал после первого перекрестка, тогда как Абдул-Меджиду на том же перекрестке следовало сразу повернуть направо. Но до перекрестка они все же дошли вместе, и, прежде чем разошлись, прозвучал выстрел из громкой снайперской винтовки Чохкиева.

С гребня скалы послышались голоса. Можно было узнать голоса Вахи и Гаджи-Гусейна, но слов разобрать было невозможно.

– Будем надеяться, что Ваха подстрелил того старлея-«мента»... – сказал эмир.

– А что, если этот старлей – жених твоей дочери? – ответил старый тренер. – Что тогда? Что, если ее ранили?

– Да ну... – отмахнулся Нариман. – Наговоришь еще... Мне бы жена насчет жениха давно сказала. Я же по два раза в месяц звоню ей.

* * *

Эмир Нариман рассчитывал увидеть за углом квартала свой старый дом, который он покинул долгие семь лет назад, ровно через год после смерти от неизлечимой болезни своего

престарелого, исхудавшего от болезни отца. И до калитки его тогда проводила только мать Джавгарат. Такой он и запомнил ее: еще не старой женщиной, стоящей у калитки и вытирающей уголком платка слезы. Дальше провожать себя сын не разрешил, иначе Джавгарат прошла бы до окраины села и увидела бы, с кем он уходит. А он этого не желал. И сейчас, подходя к углу улицы, Волк ожидал увидеть все те же металлические ворота с калиткой. Может быть, даже и саму Джавгарат, снова стоящую в прежней позе, как тогда, когда он, уходя, обернулся, чтобы бросить на мать прощальный взгляд. Но она, как и положено женщине, смотрела в землю, а не вслед сыну. Да и жену рядом с матерью тоже увидеть хотелось бы. Все-таки он не зря же звонил домой, предупреждал о своем появлении. Его должны были ждать и, как он надеялся, должны были встречать. Но, наверное, не брат, у которого своих забот хватает. Брат держал в селе собственный магазин, в котором торговал продуктами и стройматериалами. А с тех пор, как у него жена умерла от какой-то болезни, на нем держалось воспитание пяти дочерей. При живой жене брат дочерям времени почти не уделял, ему было не до них. А теперь пришлось самому детьми заниматься.

Нариман Бацаев подходил к углу и чувствовал, как замедляются его шаги и как он теряет уверенность в себе. Это было для него совершенно новым ощущением. Он привык всегда и во всем ставить себя и свои интересы впереди всего остального. Даже когда был не прав, он легко мог убедить себя в обратном. И всегда другим говорил: «Главное – самому себе верить. А все остальное само придет и на свое место встанет». И оно, это «все остальное», всегда приходило. Но вот сейчас, в последний момент, уже почти на пороге родного дома, Нариман Бацаев впервые задумался: может быть, он был не прав, что на долгих семь лет оставил семью и уехал в дальние края? Для чего он это сделал? Этого Нариман и сам объяснить бы не сумел. Уж точно он поехал не деньги зарабатывать. За время своего чемпионства Нариман сумел скопить солидную по меркам своего села, да и, пожалуй, республики в целом сумму. И даже брату на строительство и открытие магазина сумел выделить. И не веру он отстаивать поехал, сам себе Нариман отвечал на это однозначно. Он был, конечно, верующим человеком, но отлично понимал, что его вера больше рассчитана на людей. Он слышал, как ревели зрители, когда он после очередной победы в «шестиугольнике» ложился в поклоне на пол и благодарно целовал брезентовое покрытие, местами пропитанное чужой кровью, словно это оно принесло ему победу. Многие зрители и болельщики его за это уважали, но многие и негодовали. Но Нариман знал, что и те, и другие купят билеты и придут на его следующий бой. Одни – с целью поддержать его, другие – в надежде увидеть его первое поражение. Но его не интересовали их цели и надежды. Бацаев вместе со своим тренером Абдул-Меджидом выработал себе манеру поведения, которой легко было придерживаться, потому что она отвечала его сущности. Нариман никогда не опускался до такого популярного в современных спортивных единоборствах «треш-тока», то есть никого и никогда не оскорблял, не бил себя кулаком в грудь и не бросался на противника во время обязательной после взвешивания «дуэли взглядов». Но при этом и не уступал никому, не устраивал провокаций и не поддавался на них, справедливо считая, что поединок всех рассудит и все расставит по своим местам. Даже жесты после боя были рассчитаны и отработаны перед зеркалом.

– Это все деньги, – объяснял Абдул-Меджид. – Пойми, жесты создают твой имидж точно так же, как и кулаки. А имидж делает деньги... И еще много потом найдется желающих повторить пусть и не тебя, потому что это невозможно, но хотя бы твои жесты. Но им при этом будет казаться, что они повторяют не твои жесты, а именно тебя. Будь к этому готовым.

Нариман соглашался легко. Он никогда не был жадным до денег человеком, но желал жить безбедно, получая от жизни удовольствие.

Но значительно выше, нежели наличие денег на счету, для него было положение в обществе. И именно поэтому он и возглавил собственный отряд сначала в Ираке, а потом, когда в Ираке почти все относительно крупные отряды были уничтожены, по приказу командования

перебрался в Сирию. Завершив выступления в «шестиугольнике» в соответствии с возрастом, Нариман чувствовал усталость от постоянных тренировок. Но вместе с этим он чувствовал, что его былые достижения постепенно отодвигаются куда-то назад, начинают забываться не только окружающими людьми, но даже им самим, словно это все происходило не с ним, а с кем-то другим и вообще события происходили в каком-то ином измерении, что ли. Однажды он заговорил об этом с Абдул-Меджидом, и оказалось, что тренер сам через это прошел. Будучи когда-то знаменитым спортсменом, он рассчитывал, что слава его будет длиться всегда. Но она окончилась быстро и неожиданно – однажды на первенстве республики по вольной борьбе его просто не узнали на входе и не хотели пропускать без приглашительного билета, который он оставил дома – просто привык к тому, что его узнают. Ладно хоть неподалеку оказался президент республиканской Федерации вольной борьбы. Услышав громкий спор, он подошел, проверил список приглашенных и от руки вписал в него еще одну фамилию.

– Извините, мы забыли вашу фамилию внести в список... – извинился президент и поспешил дальше по своим делам. Может быть, еще кого-нибудь в список вносить у другого входа. Но ни список, ни приглашительный билет не могли заменить простого узнавания лица, которого немолодой уже мужчина так желал.

Абдул-Меджид тогда понял, что время его былой славы давно прошло, как уходят силы некогда отлично тренированного тела, и он со своим опытом прошлых побед уже мало кому нужен. Что было вчера, так вчерашним днем и останется, а сегодня день уже новый. Вот тогда бывший борец и решил стать тренером. Но тренер, даже воспитавший нескольких чемпионов мира, никогда не имеет такой славы, как его воспитанники. И только вместе с Нариманом Бацаевым бывшая популярность вернулась к Абдул-Меджиду. Его снова стали узнавать на улицах, парни стали указывать в его сторону, говоря о нем своим девушкам, и уважительно здоровались с ним, прижимая к груди правую руку, хотя он мало кого из них помнил. Да, скорее всего, даже и не знал никогда. Может быть, когда-то и где-то поздоровался, но чисто «за компанию». Может быть, даже руку кому пожал, коснулся щекой его щеки, как это принято на Кавказе, однако для человека это значило многое, и помнить он об этом будет долго.

Свою историю Абдул-Меджид рассказал Нариману, и тот загорелся:

– Давай придумаем вместе что-нибудь такое, что о нас всегда помнить будут! – предложил Бацаев. – Ты же умеешь придумывать! Придумай...

Абдул-Меджид пообещал пораскинуть мозгами. И пораскинул. Дважды он предлагал Нариману уйти в моджахеды. Официально это называлось «поехать на учебу в исламский университет в Турцию». Но все прекрасно знали, что это за учеба. Знал это и Нариман и даже объяснял свой отказ вполне здраво. Простых моджахедов в ИГИЛ воюют десятки, если не сотни или даже тысячи. И едва ли кого-то из них помнят дома, в родных городах и селах. И едва ли уважают их и гордятся ими. В этом было у Наримана большое сомнение.

– Если поехать туда, чтобы возглавить какой-нибудь отряд... – вырвалось у Наримана совершенно случайно.

– Я поговорю с братом, когда он будет снова звонить, – пообещал Абдул-Меджид.

Старший брат тренера, уже очень старый Камил, был известным имамом. Все в селе знали, что он служит в ИГИЛ, и даже свою мечеть имеет где-то на Ближнем Востоке, то ли в Ираке, то ли в Сирии, и там ведет свои службы для моджахедов. Камил тоже окончил исламский университет в Медине, только учился на факультете богословия.

Необдуманная фраза тренера автоматически значила, что два первых предложения, высказанные Абдул-Меджидом, тоже шли от Камилы, и одновременно предполагала, что это было сказано только вскользь, не совсем серьезно. Но Камил, видимо, хорошо представлял, что многие из эмиров захотят иметь среди своих моджахедов такого бойца, как он. Это сильно подняло бы авторитет любого эмира. Но Нариман отводил себе другую роль, стремился к другому. Он давал сам себе оценку и хорошо знал, чего стоит одно его имя.

Но если первые два предложения, высказанные Абдул-Меджидом, пришли довольно быстро и одно за другим, то новое предложение затянулось. Даже сам Нариман уже начал было забывать о своем высказанном желании. А Абдул-Меджид задал вопрос:

– А меня к себе в отряд возьмешь?

– А ты не слишком стар для войны? – спросил Нариман.

– Ты и сам знаешь, что здоровья мне еще хватает.

Однажды Абдул-Меджид приволок Нариману на цепи противника для спаррингов – молодого медведя в наморднике и со срезанными когтями. Но сила у медведя была не в зубах и когтях, а в мощных лапах. И Нариман по настоянию тренера вынужден был с медведем бороться. Причем борьба эта была настоящей борьбой за жизнь. В итоге Нариман медведя просто задушил болевым приемом, предварительно сломав ему лапу. Но уже тогда будущий эмир прекрасно понимал, сколько сил требовалось тренеру, чтобы этого мощного, несмотря на возраст, зверя притащить в спортивный зал, если даже цыгане на ярмарках водят такого за кольцо, продетое в нос, и обычно вдвоем, а Абдул-Меджид притащил его за цепной ошейник и в одиночку. И даже, как он сам потом рассказывал, на зверя намордник надевал. Значит, силушка у него еще имелась немалая.

Глава третья

Майор Смурнов пошел проводить капитана Одуванчикова на плац, который давно уже стал вертолетной площадкой – строить отдельную не захотели, использовали стандартный проект военного городка. Это было правильным решением, поскольку традиционный плац сводному отряду спецназа военной разведки был без надобности. Для проведения строевых занятий у бойцов просто не было времени. Строевой учебной подготовкой солдаты занимались в своих бригадах, а на Северный Кавказ приезжали только воевать.

Два взвода роты должны были ждать командира в двух вертолетах «МИ-24». Но по дороге майор с капитаном, чтобы потом не возвращаться, свернули к воротам, где стояли три грузовика и где командир разведроты должен был передать карту и инструкции оставленному вместо себя командиру первого взвода старшему лейтенанту Анисимову.

– Кого вместо себя оставишь? – поинтересовался начальник штаба, как показалось командиру роты, излишне заинтересованно.

– Как всегда, командира первого взвода старшего лейтенанта Анисимова.

– Не слишком ли он мягкий? – выразил майор свои сомнения.

– Он самый толковый, и по выслуге пора уже ему свою роту получать. А мягкость его... она...

– Мягкость с женщинами хороша, – не дал ему Смурнов завершить фразу. – А с солдатами пожестче надо! Так они лучше понимают!

Одуванчиков снова не стал спорить, только пожал плечами, оставляя свое мнение при себе. Сам он всегда старался вести себя с солдатами как можно мягче. А женщины в его роте не служили.

– Ты это... Василий Николаевич... – начал было майор, но остановился, видимо не решаясь затронуть тему.

– Что, товарищ майор? – Одуванчиков уже, кажется, понял, что хотел сказать начальник штаба и на какую тему желал перевести разговор.

– Да, я хотел с тобой поговорить о твоей семейной жизни... Извини уж, что на ходу, просто к месту пришлось.

– Я слушаю, товарищ майор, – Одуванчиков внешне оставался невозмутим, но внутренне весь напрягся аж до боли в мышцах. Он понял, что вести, а точнее, как он сам их называл, сплетни, дошли уже даже сюда, до командования отряда, и наверняка как-то скажутся на его службе. А служба для капитана была не менее важна в жизни, чем семейные отношения.

– Ты, случаем, не стремишься подставить старшего лейтенанта Анисимова?

– Напротив, товарищ майор. Я стремлюсь предоставить ему возможность зарекомендовать себя с наилучшей стороны. Добавляю ему ответственности, а также предоставляю возможность показать себя в качестве командира роты. Я правда считаю, что он давно уже этого достоин.

– С одной стороны, это мудро. Анисимов себя отлично проявит, ему дадут очередное звание и отправят дослуживать в другую бригаду на первую же свободную должность. При этом твое решение и благородно. Как ни поверни, ты все равно в выигрыше. Но с другой стороны, а если со старшим лейтенантом что-то случится? Как ты тогда себя будешь чувствовать?

– Что с ним может случиться, товарищ майор? Вы о чем?

– Ну, у нас же боевые действия идут... Случиться может всякое...

– Мы все под богом ходим. И Анисимов, и я, и вы. И подполковник Репин тоже не смог от пули спрятаться. Вы правильно говорите, у нас идут боевые действия. И никто не застрахован от ранения или смерти. Если с Анисимовым что-то случится, значит, судьба так распорядилась. И я отнесусь к этому так же, как к потере другого командира взвода, не больше.

– А разговоры пойдут... Ты сам понимать должен...

– Так что же мне, собой Анисимова закрывать прикажете, товарищ майор? Он единственный старший лейтенант среди других командиров взводов. Есть еще один, командир саперного взвода, но он летит со мной в одном вертолете. И именно Анисимов, я считаю, должен меня заменять в роте. А от вражеской пули я защищен не больше, чем он.

– Ну смотри, Василий Николаевич. Мое дело – предупредить. А твое – обдумывать каждый свой ход.

– Спасибо за заботу, товарищ майор, – сухо и сдержанно, с некоторой обидой в голосе, ответил капитан Одуванчиков.

Но подумал он о другом. Майор Смурнов жаждет рассчитаться с Нариманом Бацаевым за свое старое поражение в «шестиугольнике». Но использовать желает не собственные силы, а силы разведроты, многократно превосходящей банду по численности. Если Бацаев погибнет, что будет чувствовать Смурнов? Удовлетворение? Радость? Все это как-то не вязалось в голове командира разведроты с понятием о благородстве бойца.

* * *

Три тентированных грузовика стояли перед воротами. Там же был сержант из комендантского взвода, готовый по команде дежурного по КПП прапорщика распахнуть ворота. Последний в ряду грузовик, обладавший иными осветительными приборами в отличие от двух первых, светил рассеянным зеленым светом.

– Прислали на испытания светодиодную ленту. Пока поставили на одну машину, – объяснил майор Смурнов, опережая вопрос капитана. – Мы же здесь как подопытные кролики, все на нас испытывают, только вот за сами испытания недоплачивают... На всем экономят.

– А почему поставили только на одну машину? – спросил командир разведроты.

– На другие просто еще не успели.

Зеленый свет выходил из фар узкой маскировочной полосой, как только допускали специальные накладки на фары.

Старший лейтенант Анисимов вышел из кабины переднего грузовика, едва заметив приближение командира роты и начальника штаба сводного отряда.

– А что с кузовом? Тоже испытания? – спросил Одуванчиков.

– Да. Керамические противопулевые панели высотой в человеческий рост. Теперь борт можно прострелить только из крупнокалиберной снайперской винтовки или из крупнокалиберного пулемета. Но такое оружие даже бронетранспортер рвет, как бумагу. Считаю, что машину значительно бронировали, при этом практически без утяжеления. Панель легкая, руками ставится.

– Проверим, – согласился капитан. – Надеюсь, сгодится, – и протянул руку старшему лейтенанту Анисимову, словно давно с ним не виделся.

– Товарищ майор, – согласно Уставу внутренней службы обратился Анисимов к старшему по званию, – разрешите обратиться к товарищу капитану?

– Обращайся, – махнул рукой Смурнов, вытаскивая свою старенькую кнопочную трубку и набирая под светом фонаря у ворот какой-то номер.

– Товарищ капитан, три вверенных мне взвода ждут команды. Все сидят по машинам, – доложил Анисимов.

Одуванчиков разложил на ступеньке кабины передового грузовика карту с отметками оперативного отдела.

– Сюда смотри, Сергей Николаевич, – показал капитан пальцем. – Вот этот поворот дороги в оперативном отделе оценили как идеальный для осуществления засады. Предполагают, что эмир Волк устроит ее именно здесь. – Одуванчиков посмотрел на свои командирские

часы – подарок после выпуска из училища. – Ты должен ехать не спеша. Скорость не более тридцати пяти километров в час. Тогда прибудешь вовремя. Засада будет тебя ждать, обстреляют. Ты высадишься в кювет – он там достаточно глубокий, как полнопрофильный окоп, и развернешь взводы к обхватной атаке. Предупреди бойцов, чтобы стрельба велась только понизу, потому что сверху ударим мы. У нас как раз времени останется на высадку и на маршбросок. Мы практически на бегу в бой ворваться должны. Если успеем, местность заминируем. Это значит, что твоим трем взводам глубокое наступление противопоказано. Все понял?

– Так точно, командир. Все ясно.

– Тогда сам пересажь в кузов и других командиров взводов пересажь. А в кабину усадь заместителей командиров взводов. Эти места пустовать не должны. Бронежилеты у всех замкомвзводов есть?

– Так точно. Все к бою готовы.

– Выполняй!

Майор Смурнов как раз убрал в карман свою трубку, завершив разговор. А со стороны гаража уже слышалось лязганье гусениц.

– Обнаружил, что БМП в строю нет, – объяснил майор. – А мы запланировали прикрытие для роты. Вот позвонил дежурному по автороте. Оказывается, машина уже выехала... Вон она. Зря звонил, деньги тратил...

– Так деньги-то на трубке, наверное, казенные, как у всех офицеров отряда? – заметил капитан Одуванчиков, которому фраза о деньгах резанула слух.

– Куда их потратить, мы бы нашли... – отмахнулся Смурнов.

Боевая машина пехоты как раз пристроилась за последним грузовиком и грозно пошевелила спаренной с пулеметом тридцатимиллиметровой пушкой на башне, подтверждая свои намерения выступать в виде прикрытия и бороться со всякой угрозой.

Майор махнул рукой в окно КПП, где его команду ждал дежурный прапорщик, приблизившись для лучшего обзора к стеклу. Прапорщик, в свою очередь, вышел на крыльцо и дал команду сержанту комендантского взвода, который сразу распахнул ворота. Грузовики двинулись на выезд, а БМП последовала за ними, по-прежнему пошевеливая пушкой вместе с башней – то ли с преждевременной угрозой неведомо кому, то ли просто проверяя механизм после ремонта. Начальник штаба только головой покачал:

– Едва отремонтировать успели, и сразу в бой. Когда только новую технику пришлют? А то все обещают и обещают... А ты все – «деньги, деньги». Пойдем, что ли, на площадку...

Когда офицеры приблизились к бывшему плацу, два вертолета «МИ-24» уже были готовы к взлету, их лопасти крутились, создавая ветер. Но этот ветер не поднимал пыль, потому что вертолеты отсюда взлетали по несколько раз в день и всю пыль давно уже разогнали в стороны...

* * *

Место для командира роты было забронировано у передней стены, рядом с дверью в кабину пилотов. Там располагались три кресла от пассажирского самолета. То, что лететь пришлось спиной вперед, Василия Николаевича ничуть не смущало. Он легко переносил любые перелеты и связанные с ними неудобства. Возраст и физическая подготовка позволяли не считаться с ними.

Пожав на прощание руку начальнику штаба и ничего не разобрав за шумом лопастей из того, что майор говорил, Одуванчиков закрыл дверь. Бортмеханик, проверив дверь, ушел в кабину, и вертолет почти сразу загудел натужнее, готовясь набрать высоту. Усевшись в кресло, он рассмотрел солдат, расположившихся на боковых раскладных сиденьях – не слишком удобных, особенно если сидишь с парашютом за спиной. Но в этот раз парашютов у бойцов не было,

но стандартные рюкзаки тоже мешали. Более того, парашют носится так, что на нем можно даже сидеть, чего нельзя себе позволить, используя рюкзак. Он и носится значительно выше и вообще содержит в себе предметы, которые можно раздавить собственным весом. Командир осмотрел бойцов, убедился, что все спокойно, и закрыл глаза, мечтая уснуть и увидеть тот же сон, что снился ему, когда Одуванчикова подняла «тревога», через дежурного объявленная командиром сводного отряда подполковником Репьиным.

Но приятный сон возвращаться не желал. Вместо этого перед закрытыми глазами вставало мягкое и спокойное, даже отчасти красивое лицо с правильными чертами – лицо старшего лейтенанта Анисимова. И такое же правильное, почти кукольное лицо жены капитана Александры. С этим капитан Одуванчиков и уснул, приказав себе проснуться, когда вертолет будет сбрасывать высоту и приближаться к месту высадки спецназа. Он хорошо знал, что тренированное подсознание разбудит его строго в нужный момент, как бывало всегда. Точно так же, как командир, спали и бойцы разведроты, обученные тем же Одуванчиковым засыпать по приказу и просыпаться в нужный момент.

Кому-то снился дом, домашнее застолье, когда вместе собираются за столом по случаю какого-нибудь праздника отец, мать и сестра, кому-то снилась его девушка, любящая и ждущая возвращения солдата со службы. Кому-то снился его собственный сын – был в роте и такой солдат, которому пришлось отправиться служить, оставив дома жену с ребенком, причем служить в спецназ военной разведки этот призывник попросился сам, поскольку подходил для такой службы по всем физическим параметрам²⁰.

А самому командиру разведроты снилась, если только можно было назвать сном его полубредовое состояние, естественно, его красавица-жена. Снился ему и командир первого взвода, и другие солдаты и офицеры, которые, конечно же, не могли не заметить, что старший лейтенант Анисимов начинает неровно дышать, стоит только ему увидеть Александру. Началось это давно, еще с тех времен, когда Одуванчиков получил под свое командование разведроту и приехал из другого региона в военный городок. Старый командир роты не только передавал новому свои дела, он еще и оставлял ему свое жилье – половину дома на две семьи в ДОСе²¹. А вторую половину дома занимал со своей семьей немолодой уже старший прапорщик Михаил Юрьевич Шевченко, служивший в должности старшины той же разведроты и носивший среди солдат кличку Лермонтов – за имя и отчество.

Когда прибыл контейнер с вещами, Александра встретила его на семейной машине на станции и сопровождала грузовик до места назначения, после чего позвонила на службу мужу. Тот хотел было попросить помочь с разгрузкой старшего прапорщика Шевченко, чтобы тот и сам занялся физической работой, и солдат свободных подогнал, но старший прапорщик оказался занят: в ротной каптерке раскладывал для солдат нижнее белье – рота, как оказалось, готовилась к бане. Одуванчиков еще в дверях каптерки понял, что он со своей просьбой пришел не вовремя – старшина роты обычно сопровождает солдат в баню, это его прямая обязанность, – и не стал ни о чем просить Михаила Юрьевича. Вместо этого он обратился с просьбой о помощи к оказавшемуся там же командиру первого взвода старшему лейтенанту Анисимову. Тот пообещал подойти, взяв с собой несколько солдат из взвода.

– Да у меня вещей мало, половина контейнера едва набралась, – успокоил командир роты старшего лейтенанта, видя его недовольное лицо. – Вдвоем бы справились.

Но Анисимов не только пришел раньше Одуванчикова, он все же взял с собой парочку солдат крупного телосложения, и, когда капитан подошел к своему дому, разгрузка контейнера уже была завершена, а старший лейтенант, стоя у калитки палисадника, разговаривал о чем-

²⁰ Согласно существующему Положению, на срочную воинскую службу не берут только тех призывников, у кого два ребенка в семье.

²¹ ДОС – дом офицерского состава.

то с Александрой. При этом лицо у старшего лейтенанта было красное, как у рака, и капитан Одуванчиков сначала списал это на физическую работу, к которой Анисимов был непривычен, хотя и имел разряды по нескольким видам спорта. Но вскоре он свое мнение переменял.

– Уже завершили? Опоздал я... Начальник штаба батальона задержал, – словно извиняясь за опоздание, проговорил Одуванчиков.

– Представляешь, Вася, а мы с Сережей не только земляки, мы еще и в одной школе учились, только я на два года младше, – отчего-то смущаясь, стала что-то объяснять Александра. – И вот, надо же, где встретиться довелось...

– Так вы что, незнакомы? – спросил Василий Николаевич.

– Знакомы... – покраснев еще сильнее, хотя, казалось, больше уже и некуда, сказал старший лейтенант.

– Хорошо знакомы, – добавила Александра многозначительно.

Это ее «хорошо» наверняка что-то значило, но капитану Одуванчикову было не до расспросов. Он сам смутился от своего опоздания и от того, что всю работу уже сделали без него. Его смущение не позволило ему сразу выяснить отношения. Тем более неподалеку, на крыльце дома, стояли два солдата из взвода Анисимова. А выяснять отношения при посторонних капитан никогда не любил.

Он прошел в дом мимо солдат, вытянувшихся по струнке перед новым командиром роты, пожал им руки и поблагодарил, чем несколько смутил парней – обычно офицеры подобные услуги воспринимают как обязательные. Александра прошла за ним в дом и сразу направилась в кухню, где уже был накрыт стол.

– Сначала солдат накорми, им в баню надо торопиться... – остановившись в дверях, сказал ей Одуванчиков.

В ответ жена только сердито громыхнула какой-то посудой.

В тот день она все сделала, как он просил. Накормила сначала солдат, для которых домашнее застолье было праздником после гарнизонной столовой, потом позвала в кухню мужа и Сергея Николаевича. За столом все прошло обыденно, без каких-либо эксцессов.

Эксцессы начались через несколько дней, когда Василий Николаевич пришел домой пообедать чуть раньше, чем обычно, и увидел, как входит в дом его жена – с растрепанными волосами и в слегка порванном на груди платье.

– Что-то случилось? – спросил Одуванчиков.

– Случилось, – коротко и сердито ответила жена.

– Что такое?

– В магазин пошла, очередь отстояла, все нормально. Потом заходит эта ненормальная, хватает меня за волосы и при людях таскать начинает! Вон, платье порвала! Ладно хоть один мужчина в магазине оказался, оттащил ее. А то ведь убить обещала, если я от ее мужа не отстану! А я его и видела-то за все последние годы только один раз, когда контейнер с вещами пришел! Не знаю уж, что он ей наговорил!

– Кто? – не понял Одуванчиков.

– Да твой Анисимов! Старший лейтенант.

Василий Николаевич вспомнил красную физиономию Анисимова в тот самый день и понял, что покраснел старший лейтенант не от физической работы. Вспомнил он и то, как непривычно вела себя тогда же и сама Александра, и ему многое стало понятно.

– Между вами раньше что-то было? – спросил он более серьезно, чем тема разговора того заслуживала.

– Еще не хватало, чтобы и ты меня сейчас начал за волосы таскать и бить! – Александра поддержала тон разговора и ответила так же: – Ну, было когда-то... Это же школьная любовь. Дела давно прошедших дней... Об этом сейчас и вспоминать нечего. – Она вдруг резко сменила тон разговора и на какой-то момент стала прежней, хорошо знакомой и нежной: – Но ведь

сейчас у меня есть ты. Самый лучший на свете, самый любимый и любящий. И я ни на кого тебя менять не собираюсь. А то, что раньше было, – это детство.

– День вчерашний, – в свою очередь сменив тон разговора, сказал он и обнял жену.

– День вчерашний, – твердо повторила Александра и прижалась лицом к плечу мужа. – Но ты все же поговори с Анисимовым. Пусть он свою жену утихомирит. А то я и в магазин выходить не смогу...

– Поговорю... – пообещал Одуванчиков, даже не понимая, как и с какой интонацией он заведет подобный разговор со своим командиром взвода. – Завтра же поговорю. Обещаю...

Глава четвертая

Конечно, Абдул-Меджид во время борьбы на тренировках во всем уступал Нариману – и в силе, и в скорости проведения приемов, и в быстроте принятия решений, и во многих других компонентах, но когда однажды возникла проблема с партнерами по спаррингам, тренер бросил клич среди односельчан. Легко набралось полтора десятка желающих потренироваться вместе с Бацаевым, тогда еще не носившим звание чемпиона промоушена, но уже ставшим двукратным чемпионом мира. Абдул-Меджид сам отбирал подходящих через тренировочные схватки с самим собой. Он победил всех до последнего, хотя сам к завершению испытания дышал как загнанная лошадь. А завершив последнюю схватку, долго сидел на ковре, засунув голову в волосатые колени, и встал на ноги только после того, как Нариман подошел к нему, протянул руку и поднял. Тем не менее троих для спаррингов с Нариманом тренер все же выбрал. Правда, на следующий день один из них не пришел на тренировку, сославшись на то, что «старик сильно поломал» его накануне и он повредил спину. И Абдул-Меджиду пришлось самому заменить молодого парня и вспомнить, что и он когда-то был молодым.

– А функционал²² тебя как, не подведет? – спросил Нариман.

– У меня есть то, чего многим молодым не хватает.

– И чего же им не хватает?

– Силы духа! В этом компоненте я и с тобой могу еще потягаться при необходимости.

– Да, здесь я, пожалуй, соглашусь, – раздумчиво ответил Бацаев, отлично знающий характер своего бывшего тренера, его упорство и упрямство и нежелание признавать себя побежденным.

– Ну так что, Абдул-Меджид, ты готов мне что-нибудь предложить?

– Что я тебе могу предложить? Я просто наемный работник, которому ты платил зарплату. Я никогда не был твоим менеджером и не знаю твои финансовые возможности. Я только тренировал тебя. Да и то лишь в одной борьбе. А, скажем, боксу тебя другие люди обучали – сначала колумбиец, потом мексиканец. А теперь, в нынешние времена, все упирается в деньги, как мой брат говорит. Так уж повелось. Каждый эмир создает и вооружает свой отряд на свои собственные средства. Я знаю, что ты не беден, но и не знаю, настолько ли ты богат, чтобы создать отряд. Для начала хотя бы небольшой, хотя бы в сотню человек. А потом, если будешь людям хорошо платить, они сами к тебе потянутся. Ты будешь зарабатывать на этих людях. Тебе решать.

– Я должен посчитать, как долго я смогу платить. Да и семью без денег я держать не могу. Дома тоже что-то оставить следует. Не все же на брата взваливать...

– Посчитай... – мрачно откликнулся бывший тренер. – Если потянешь, я беру на себя всю организацию. И тоже свои возможности посчитаю. Может, смогу тебе чем-нибудь помочь. Может, даже займы дам...

– Ты или твой брат? Это разные вещи.

– Я с его помощью. И людей тебе подобрать берусь. Главное – их не обманывать. Иначе получится, что обманщик – я. Наобещаю одного, а на деле совсем другое выйдет. А обратного пути уже ни у кого не будет. Оттуда не бывает обратной дороги. Я надеюсь, что это только до поры до времени, но кто-то иначе думает...

Считал Нариман недолго. Как раз в село приехал из Ирака друг детства Наримана, простой моджахед по имени Батал. Приехал якобы в отпуск. Батал так много и красиво рассказывал про свою жизнь, такую развеселую и беззаботную, что Бацаев невольно задумался, не

---

²² Под словом «функционал» в боевых единоборствах и вообще в спорте часто подразумевают функциональную выносливость.

является ли он простым вербовщиком, никогда не покидавшим территорию Турции или Саудовской Аравии, а теперь захавшим в родное село за новой добычей. Тогда же был убит и капитан МВД, сельский участковый, собиравшийся выйти вскоре на пенсию. Участкового многие уважали и его убийство не одобряли. И тогда же исчез из села Батал вместе с несколькими молодыми парнями, оформившимися на учебу в исламский университет Медины. Нариман подумал, что Батал вернулся в Турцию или в Ирак. А тут и для него самого пришло предложение с той стороны. И Нариман собрался в дорогу вместе с Абдул-Меджидом...

Визу они оба оформляли, естественно, в Турцию, чтобы избежать лишних вопросов. А оттуда уже собирались перебраться в Саудовскую Аравию. В документах, предоставляемых в многофункциональный центр, целью поездки обозначили обучение в исламском медресе. Относительно Наримана заявленная цель поездки сомнений не вызвала. Хотя он и был уже немолод, но в студенты еще годился. Но вот возраст Абдул-Меджида вызывал сомнения. Разные женщины несколько раз переспросили тренера, не поздно ли ему учиться. Абдул-Меджид возмутился:

– А вам какое дело? Я с возрастом только, может быть, мудрости набрался. У меня с Америкой никогда проблем не возникало. На каждый бой своего ученика Наримана летал, секундировал ему. А тут соседняя Турция, и что-то не так... Выпускать не желаете!

Женщины в многофункциональном центре разом повернули головы и посмотрели на Наримана. Хотя они были женщинами, то есть существами далекими от всяких мужских забав вроде спортивных единоборств, имя Наримана Бацаева они от мужей и братьев многократно слышали. Да и от детей тоже. Но не подумали, что это тот самый знаменитый боец. После этого документы были оформлены сразу, оставалось только навеститься к турецкому консулу. Но и там никаких вопросов не возникло. Консул, похоже, отлично знал, что представляет собой исламское медресе, кто едет туда и с какой целью.

Так тренер вместе с учеником оказались сначала в Турции, потом в Саудовской Аравии, а потом и в Ираке...

* * *

Нариман Бацаев намеренно сбавил шаг, оттягивая до последнего момент, когда будет виден его родной дом. В палисаднике углового дома, что располагался через дорогу, росло несколько деревьев вишней. Когда Нариман уходил из дома, деревья были еще молодыми. Теперь они выросли, составляли в высоту около четырех метров и закрывали половину окна на втором этаже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.